

У остатков Супоньевского дворца, среди сорняков и развала кирпича, почва, которая почти перестала быть парком – что только из неё не прорастает... Город отвернулся от пустующего места, его любимое предание о царицыной дочери и её доме почти забыто. Вот странный этот Углич – и есть у него «фамильная драгоценность» высшей пробы, то ли сказка, то ли тайна, и вроде бы нет. Школьники в музее смотрят на золотой стульчик из дворца и слушают старую историю, будто новую. Может, преданию пора вернуться из-за всяких там горизонтов забвения?

Можно ли добавить к нему штрихов и оттенков, полуверсию, полувывымысел? Дадим и этой гадательной истории прорасти всё из той же парковой почвы и рассмотрим её, насколько это возможно. Итак, если верить преданию, по воле Екатерины II дочь умершей Елизаветы Петровны, императрицы, и её законного, но тайного супруга Алексея Григорьевича Разумовского отправлена в приёмную семью угличских дворян Григоровых. Происхождение Ольги не подтверждено и не опровергнуто (известно, что у Разумовского были некие документы в драгоценной шкатулке, и к нему был прислан от Екатерины граф Воронцов, но вдовец и затворник достал бумаги, развернул их, перечитал и бросил в камин: *«Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов (...) Пусть дерзновенные простирают свои надежды к ложным величиям, но мы не должны быть причиной толков»*).

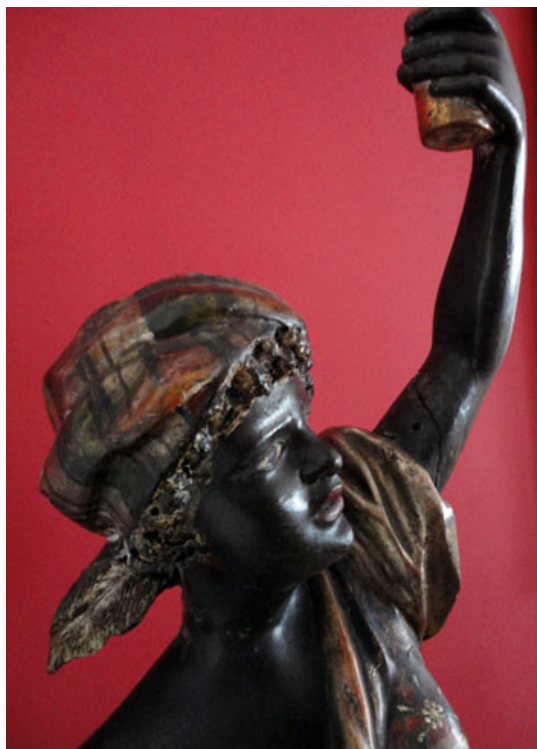
Теперь вокруг девочки-подростка плетутся многозначительные «неслучайности». Ей будто возвращено родовое имя (родной отец «Алексей сын Григорьев», приёмный – Пётр Никитич Григоров), отчество «Петровна» тоже звучало вполне по-семейному. Новая семья старинная, достойная и далёкая от двора, но всё-таки главный секрет был в доме, построенном ей в приданое.

Место отвели «на Царском озере» за Волгой, напротив Угличского кремля, оттуда хорошо видны вдаль княжеский дворец и церковь на месте гибели царевича Дмитрия. Уютная зелень кремля сменяется осенними туманами и глубоким снегом, река мелеет или разливается, неизменно только настойчивое напоминание о судьбе царского ребёнка, предостережение об опасности династических игр. А купеческий город из-за реки обречён неотступно следить за дворцом, вглядываться с набережной, придумывать себе тайны, украшать их пёстрыми подробностями («крашенные воробушки» в зимнем саду).

Это все знают. Не знают только, откуда взялся дом – его архитектурные прототипы неясны. В 1957 году сотрудник городского музея Б.А. Дмитриев отыскал в «Исторических рассказах» П.Ф. Карабанова (1872 г.) следующее: «Известно, что действительная статская советница Марфа Филипповна Бехтеева и Ольга Петровна Супонева были дочери Елизаветы Петровны. Вторая была мнимая дочь бедного угличского дворянина Григорова.» Дмитриев продолжает: «Екатерина, часто встречая прикомандированного к постройке царскосельского дворца угличского дворянина П.Н. Григорова, предложила ему назваться отцом Ольги и выдать ее замуж за угличского же предводителя дворянства Николая Авдиевича Супонева. В приданое за Ольгой Григоров обязан был дать специально построенную усадьбу («родовую») и значительные капиталы. Средства на постройку П.Н. Григоров получил от Екатерины II. Понятно отсюда и то, почему усадьба имела дворцовый характер.»

Дом был заложен, вероятно, после 1767 года и закончен около 1769-го (если как приданое Ольге, то к венчанию, а сын Супоневых родился в 1770-м). Исследователь местной старины Борис фон Эдинг писал в начале XX века: «Быть может, проект идёт от кого-нибудь из сотрудников Казакова, а может быть, и это правдоподобнее, мы имеем здесь осуществление общих архитектурных задач, назревших на рубеже 18-го и 19-го веков...»

Интересно, что бы стал делать «бедный угличский дворянин», получив большие деньги на строительство царевненого дворца? Как и любой из нас, стал бы искать (нет, не архитектора) образец, который нравится. Царскосельский дворец он, получается, знал, но этот апофеоз Елизаветинского царственного щегольства ему не годился (Екатерина называла его «взбитый крем» и жаловалась на дороговизну). Но послушайте! Если Ольга родилась, предположим, около 1750 года, то шестилетним ребёнком она могла видеть пышный праздник в июле 1756 года – его открытие. А Екатерина, тогда великая княгиня, уже часто встречала Григорова. Воцарившись, она доверит ему подростковую Ольгу, а с ней и своё зыбкое пока будущее.

Что если призвать сюда нелюбимое историей сослагательное наклонение? «Если бы...» Предположим, Ольга удалена от двора, пропала с глаз, прошло время... Замужества не было (а это как раз инструмент, превращающий наследницу и соперницу в подданную), нашлись ей советчики, и вот уже дерзновенная простирает руки к величиям. Важно ли в

том бурном веке, законные они или ложные? Горячий ветер Смуты снова легко поднимется с угличского берега, понесёт ложь, разруху, неверие... Нет, «отец» должен быть твёрдым в верности слову, а лучше – испытанным.

Впрочем, прототип дворца, кажется, нашёлся. В Интернете мелькнул дом, «знакомый» по рисунку П.Д. Бучкина – треугольный фронтон, колонны на высоком цоколе, бельведер над портиком... Ропша.

Здесь закончил свою недолгую жизнь Пётр III (Алексей Орлов – Екатерине: *«Урод наш очень занемог и охватила его нечаенная колика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасаясь, чтоб не ожил».*)

Но остановимся у границы «большой истории», не будем искать Петра Григоровича среди действующих лиц ропшинской драмы, хотя именно такая проверка ввела бы его в круг самых доверенных союзников Екатерины.

Вернёмся к самой Ропше, обжитой при Петре I и перешедшей после череды владельцев в казну. Елизавета Петровна любила здесь охотиться, потом поручила переделку старого дома Бартоломео Растрелли (как позднее и в Царском Селе), работы велись в 1748-1750 годах. Елизавета полагала жить здесь долго и счастливо: ей чуть за сорок, как раз тогда, предположительно, родилась Ольга. Но расцвет дворца был коротким, незадолго до смерти императрица подарила его наследнику Петру Фёдоровичу. Здесь, в своём доме, он и нашёл смерть, а потом Екатерина передала имение Григорию Орлову. Свидетель и участник событий июля 1762 года, получив это «место действия», забросил его, Ропша надолго пришла в упадок.

При общем сходстве с елизаветинской постройкой Растрелли Супоньевский дворец выглядит его более камерным вариантом: все основные элементы те же, но фронтон ниже, крылья основного корпуса короче, портик относительно плоскости фасада выступает меньше. Кто знает, может, это почти родство дворца с любимым домом Елизаветы (и с местом, испытавшим окружение Екатерины на верность) – ещё одна «неслучайность» в узле, завязанном вокруг Ольги...

Судьба дворцов тоже совпала – там совсем недавно обрушился портик, суммы на восстановление столь велики, что разговоры о возможном будущем Ропши уже и затихли. Здесь дом, как кусок сахара в горячем чае, тает, теряя свои благородные черты. В музее два торшера – мавр и мавританка, они могли видеть время его расцвета

и саму Счастливую царевну, едва различимую в перспективе времени где-то между княжной Таракановой и инокиней Досифеей, между заточением и постригом.

Разве эта история не нужна Угличу?

Светлана КИСТЕНЁВА

Фото автора

«Угличанин» №22 (628) от 05.06.2019 года

{jcomments on}{loadposition yandex-knopka}